
**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

~~~~~ роман ~~~~~

**СУДЬБА
БЕЗ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Книги Марии Вороновой
для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье в семье дается ежедневной заботой, любовью, верностью и преданностью.

А. МАРИНИНА

Мария Владимировна Воронова
Судьба без обязательств
Серия «Большая любовь.
Романы М. Вороновой»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42150699

Судьба без обязательств: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-101133-8

Аннотация

После смерти жены прошло больше года, и Георгий Пестряков чувствует, что пора возвращаться к жизни. Красавица Аня – дочь друзей семьи, идеально подходит на роль новой спутницы жизни, она умна, красива и интеллигентна. А многолетняя любовница Нина пусть остается в прошлом, ей нет места в новом счастье Пестрякова. Он уже готовится к свадьбе, но тут у подполковника полиции Зиганшина появляются сомнения: а действительно ли Карина Пестрякова была убита сумасшедшим или это инсценировка?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Мария Владимировна Воронова

Судьба без обязательств

© Воронова М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

– Главное участие, – ухмыльнулся сын.

Никто ему не ответил. Мама, многозначительно поджав губы, размешивала сахар в чае, и Георгий подумал, что нынешние дети все-таки совсем другие. Или через поколение понижающая сила взгляда ослабевает?

Он отодвинул чашку и промокнул губы салфеткой.

– Этот лозунг оставь, пожалуйста, для неудачников, – сказал Георгий, – настоящий мужчина должен стремиться к победе.

– Ну не срослось, так что ж теперь? – Сын подтянул к себе тарелочку с колбасой и, увидев, что нарезанные кружочки закончились, взял нож и отхватил себе довольно толстый кусок.

От мамы повеяло холодом.

– Интеллигентность человека, – сказала она значитель-

но, — видна по тому, насколько толсто он режет колбасу.

— А зависимость прямая или обратная?

— Безусловно, обратная, Алексей. Колбасы вообще не должно быть в рационе культурного человека, и мне очень жаль, что, приходя к вам, я всякий раз вижу ее на столе.

Сын засмеялся и стал есть свой некультурный бутерброд. Георгий нахмурился.

— Твоя развязность неуместна, — процедил он, — а что ж теперь делать, я тебе сейчас скажу. Ты должен тщательно проанализировать свои действия, понять, в чем ошибся, что упустил и что необходимо предпринять, чтобы в следующий раз победить. Не впадай в отчаяние от поражения, но извлекай из него уроки.

Пылко обещав извлечь, Алексей вскочил из-за стола с недоеденным бутербродом в одной руке, другой зачерпнул из вазочки конфет и умчался к себе в комнату.

Мама неодобрительно покачала головой.

— Все-таки без матери он сильно распустился, — вздохнула она, — ты потакаешь ему, а кончится тем, что он начнет спекулировать на своем сиротском положении, если уже не начал.

— Мама, не волнуйся, он неплохой парень.

— Но ведет себя как неандерталец. Карина все-таки держала его в руках, а ты...

Она встала, легонько коснувшись его плеча, и стала убирать со стола. Георгий с удовольствием наблюдал за ее точ-

ными ловкими движениями. После рождения сына он привык называть маму бабушкой, но слово это совершенно к ней не подходило. Бабушки уютные, сдобные, с седым пучочком, а мама быстрая и сухопарая, как стрекоза.

– Все равно он вышел бы максимум на городскую олимпиаду, а это ничего не дает в плане поступления, – сказал Георгий тихо, чтобы сын не расслышал.

– Помни, что в нашей семье не принято признавать поражение еще до того, как вступил в борьбу. Кстати, ты не звонил Анечке Сергеевой?

– А кто это?

– Ну как же, сынок! Дочка Анатолия Михайловича, за которой ты так явно ухаживал на юбилее Томашевского.

Георгию пришлось сделать небольшое усилие, чтобы вспомнить Анечку.

– Мама, я просто старался быть вежливым.

Она улыбнулась:

– Не лукавь, сынок. Всем было видно, что она понравилась тебе, и это неудивительно. Аня – чудесная девочка!

– Вот именно девочка.

– Ей тридцать пять лет, Георгий, так что твой интерес не покажется чем-то... – Не найдя подходящего слова, мама пошевелила пальцами. – В конце концов, после гибели Карины прошел целый год.

– Всего год.

– Георгий, никто не требует, чтобы ты завтра же сделал

предложение, но сводить даму поужинать ты, безусловно, можешь. Я говорила с Танюшей, она не возражает, если ты проявишь активность, а раз мать девушки не против, то другие тебя точно не осудят.

Георгий обещал позвонить Анечке. Мама тут же извлекла из сумки свой мобильный и заставила записать телефон девушки. Георгий со вздохом покорился.

Проводив маму до машины, он вернулся домой и помедлил на пороге. Надо бы зайти к сыну, обсудить его поражение на олимпиаде по английскому языку и принять необходимые меры. Или заставить его заниматься больше, или взять репетитора. Мама права: не всего год, а целый год. Пора уже учиться наравне с другими, потому что выпускной класс. Сын вступает во взрослую жизнь, в которой никому не будет интересно, что у него умерла мать. Алеша должен понять, что оправдания вообще никто не станет слушать, а просто всё новые и новые двери будут захлопываться у него перед носом, если он не приложит максимум сил.

Георгий сделал шаг к комнате сына, но отчего-то застыл перед зеркалом. Пригладил волосы, жесткие и густые. Даже в неярком свете одинокой лампочки над входной дверью было заметно, что седины прибавилось, особенно на висках. Макушка еще черная, а виски – белые, будто не голова, а крыло какого-нибудь стервятника. Георгий знал, что похож на черта, но нравится женщинам, так что Анечка, скорее всего, не

обидится, если он куда-нибудь ее пригласит.

Он взялся за ручку двери, но услышал приглушенный голос сына и остановился. Пусть общается с друзьями.

Воспитанием ребенка и вообще всеми семейными делами занималась Карина, и теперь, оставшись вдвоем, отец и сын не знали, что сказать друг другу. Хорошо, что мама помогает Алеше справиться с утратой, но этого, наверное, все-таки мало. Мама права, мальчик становится развязным, невнимательным, да и просто невоспитанным. Разве при Карине можно было себе представить, чтобы он без спроса выходил из-за стола с едой в руках? Да ни в коем случае! И тут отцу бесполезно проявлять строгость, потому что хорошим манерам мужчина учится только рядом с женщиной.

Георгий прошел к себе и сел за компьютер, собираясь поработать, но перед глазами вдруг возникло лицо Ани и заклопотило строки рапортов и докладов. Действительно, он тогда весь вечер развлекал Анечку Сергееву не только из вежливости.

Откинувшись на спинку кресла, Георгий зажмурился, вспоминая невыносимо скучный юбилей, на который он не хотел идти, но мама настояла. Очень может быть, именно для того, чтобы обеспечить незамужнюю Анечку кавалером. Георгий и раньше встречал Сергееву на таких масштабных мероприятиях, как свадьбы, юбилеи и похороны, но он был женатый человек, не приглядывался к девушке, хотя замечал, что она очень мила, и тут же забывал о ней до следую-

щего торжественного сборища.

У Томашевского их посадили рядом. Аня улыбнулась ему открыто и ласково, он выдавил из себя что-то светское и хотел этим ограничиться, но неожиданно для обоих у них завязался увлекательный профессиональный разговор. Аня служила старшим помощником прокурора по связям со средствами массовой информации, а он – начальником ОРЧ¹ собственной безопасности ОВД, так что им было о чем поговорить.

А когда в зале приглушили свет и заиграла музыка, Георгий повел Аню танцевать, положил руку на ее тонкую талию, вдохнул аромат волос, почувствовал в своей ладони тепло ее руки и то, что они секунду назад страстно обсуждали, показалось совершенно неважным.

Анечка танцевала прекрасно, она будто предвосхищала каждое его движение, и Георгий подумал, что когда-нибудь, в другой обстановке, вдали от чужих глаз, было бы неплохо вспомнить, чему его учили в хореографическом кружке, и станцевать танго с этой женщиной.

Скучный протокольный юбилей обернулся приятным вечером, но, вернувшись домой, Георгий тут же забыл про

---

¹ ОРЧ – оперативно-розыскная часть собственной безопасности органов внутренних дел, подразделение, на которое возложены функции государственной защиты сотрудников органов внутренних дел, предупреждение проникновения в ОВД людей, преследующих противоправные цели. Также сотрудники ОРЧ СБ выявляют и пресекают преступления со стороны сотрудников органов внутренних дел.

Анечку и не думал о ней до сегодняшнего дня, пока мама не напомнила.

Энергично, до хруста в суставах, потянувшись, он открыл сайт прокуратуры и быстро нашел Анечкину фотографию. Форма отлично сидела на ее стройной фигуре, а сдержанная красота и благородство черт ясно проступали даже на плохоньком официальном снимке.

Георгий внимательно посмотрел в большие серьезные глаза. Действительно, чудесная девочка. Как сказала бы мама, «нашего круга». Поэтому до сих пор и одинока: умному и тонкому человеку трудно найти себе пару.

Она могла бы стать ему хорошей женой, а он ей – хорошим мужем. И с Алешкой она поладит и сделает так, что он снова начнет вести себя прилично.

Ему ведь было с ней хорошо и интересно. А любовь... А любовь – это такая штука, которую люди делают сами, и не за один день и даже не за один год.

* * *

Зиганшин выключил компьютер, запер сейф и только начал одеваться, как дежурный доложил о посетителе.

– Быстро и по существу, – сказал он вошедшему Максиму Голлербаху, стоя возле шкафа в наполовину надетой куртке, будто гусар.

– Есть один непонятный пациент, – отрапортовал прия-

тель, – очень странное дело.

Зиганшин скривился:

– Макс, вот сейчас реально не до этого. У меня новая должность, дома пятеро детей, шестой на подходе...

– Ого! – встрепенулся Макс. – А как это?

– Да черт его знает! Фрида что-то замутила с суррогатным материнством, я не вникал. Просто жду, когда она мне в подоле принесет.

Максимилиан Голлербах знал о том, что подполковник Зиганшин воспитывает двоих детей погибшей сестры, а после смерти их с женой собственного новорожденного сына и ее тяжелой операции усыновил еще троих. Весть о новом ребенке и суррогатном материнстве он воспринял с удивлением:

– А... Что ж, поздравляю!

– Пока не с чем, – нахмурился Зиганшин. – Та женщина, что вынашивает, еще может решить оставить ребенка себе или мало ли что. Просто, Макс, поверьте, что сейчас вы меня вот ничем не заинтересуете. Любая сенсация будет мимо.

Макс вздохнул и картинно развел своими длинными руками.

– И на совесть давить бесполезно, так же как и взывать к лучшим чувствам, – быстро предупредил Зиганшин.

– Ну что ж... – взглянув на темное окно вместо зеркала, Макс поправил и без того идеально сидящее кашемировое пальто, – тогда мне остается только извиниться за неожидан-

ный визит и откланяться.

Зиганшин многозначительно кивнул, влез во второй рукав куртки, взял ключи и не выдержал.

– Да что? – спросил он, с грохотом отодвигая стул и садясь. – Что за дело-то такое?

Макс тут же уселся напротив:

– Пациент этот попал в поле моего зрения уже довольно давно. На первый взгляд дело его представляется очевидным, и очень может быть, что я не решился бы вас беспокоить своими смутными сомнениями, но сейчас проезжал мимо и вдруг подумал: а почему бы и нет?

Зиганшин понял, что это словоблудие может продолжаться очень долго, если не принять соответствующих мер.

– Фамилию можете сказать? – быстро перебил он.

Зиганшин и Голлербах приятельствовали уже несколько лет, но все еще были на «вы» – в знак особого уважения друг к другу и тому, чем каждый из них занимается.

– Думаю, да. Поскольку я не собираюсь сообщать вам никакой информации, кроме той, что содержится в решении суда, то нарушения врачебной тайны тут не будет.

– Макс, вот реально...

– Климчук его фамилия.

– Ах, этот! Ну тут все ясно как раз. Seriously, не берите в голову. Погибла жена крупного полицейского начальника, так что поверьте, тут отработали как надо. Лично у меня нет ни малейших сомнений в его виновности. Да и у любого че-

ловека в здравом уме их не может быть.

– Значит, я не в здравом. Или утратил квалификацию. Не знаю, в чем дело, но никак у меня не вяжется, что дурачок Климчук является еще и хладнокровным убийцей. Мстислав, вы его видели?

Зиганшин отрицательно покачал головой.

– Тогда поверьте мне, что это жалкое, глубоко несчастное существо, неспособное к самоконтролю и к каким-либо эмоциям, кроме биологических инстинктов. И все же он страдает оттого, что общество объявило его убийцей.

Зиганшин усмехнулся, чем, кажется, разозлил Макса.

– Безусловно, мы должны принимать все меры, чтобы обезопасить себя от выходов подобных субъектов, но и их права здоровое общество тоже обязано соблюдать. В частности, не наказывать их за то, что они не совершали.

– Совершали, – улыбнулся Зиганшин и поднялся, – зуб даю.

– Но не вы же вели следствие?

– Нет, не я. Только там муж убитой – полковник полиции. Это крупная фигура.

– И?

– И если бы там оставались хоть какие-то сомнения, он бы из следователя душу вынул. Но он удовлетворился результатами, а нам-то с вами зачем быть святее папы римского? В конце концов, Климчука не приговорили, а направили на принудительное лечение, ну так ему по-любому в психуш-

ке самое место. Что изменится, если мы докажем, что он не убийца?

– В его судьбе, в сущности, ничего, разве что на амбулаторное лечение пораньше отпустят, но еще большой вопрос, где ему лучше, в стационаре или дома.

– Ну вот видите, – нетерпеливо сказал Зиганшин, выходя в коридор и отыскивая в связке нужный ключ. Он еще не привык к переменам, что у него новая должность, новый кабинет и новый ключ, а скоро будет и новое звание.

– И все же какие-то рудименты нравственного чувства не дают Климчуку покоя, и он упорно твердит, что никого не убивал.

Зиганшин пожал плечами и заметил, что такое бывает. Не так уж редко злодеи отпираются даже при очевидных доказательствах их вины, но факты – вещь упрямая.

– Вот именно, – сказал Макс, – и я, поверьте, ориентируюсь не на голословные утверждения олигофрена, а на свой, смею надеяться, богатый клинический опыт, который подсказывает мне, что при таком течении заболевания, как у Климчука, пациенты не способны на продуманное убийство.

– Исключения подтверждают правила, – буркнул Зиганшин.

Прятели не поссорились, но расстались холодновато. Понятно, профессор Голлербах обиделся, что Зиганшин не прислушался к его профессиональному чутью, но в деле Климчука все кристально ясно. При других обстоятельствах

он еще поиграл бы с профессором в великих сыщиков, но не теперь, когда его только назначили на должность начальника отдела.

Нужно принимать дела, осваиваться с новыми обязанностями, налаживать контакты с подчиненными, и семейные проблемы тоже за него никто решать не станет. Еще до жень-тубы, когда в его доме появились только племянники Света и Юра, Мстислав Юрьевич стал смутно понимать, что надо переезжать в город, но все время убеждал себя, что не надо. Что на свежем воздухе лучше. Но больше тянуть нельзя. Старших надо определять в нормальную школу, усыновленную вместе с новорожденными близнецами пятилетнюю Светочку – в детский сад, и близнецам тоже в самое ближайшее время понадобится цивилизация. А скоро Фрида притащит еще одного младенца, и наступит вообще кромешный мрак. Проводить по три с половиной часа в день за рулем – непростительная расточительность для отца большого семейства. Надо подыскивать жилье возле работы. Кроме дома в деревне, который Зиганшину хотелось сохранить, чтобы жить там хотя бы летом, у него была просторная квартира, но туда в незапамятные времена заселилась мама с отчимом, и уезжать совсем не хотела. Вместо этого она предложила продать свою квартиру и двушку Виктора Тимофеевича, а на вырученные деньги можно будет приобрести очень приличный вариант для сына и его большой семьи. Основную часть хлопот мама взяла на себя, но все равно надо участво-

вать, смотреть предлагаемые квартиры, пробивать владельцев и потенциальных покупателей.

Словом, забот столько, что профессиональные сомнения Макса насчет какого-то безумца никак не вписываются в плотный график без пяти минут полковника Зиганшина.

И все же он, как только выехал из города, стал думать об этом деле, наделавшем в свое время столько шума.

Тело Карины Александровны Пестряковой было обнаружено во дворе жилого дома около полуночи.

Труп был не очень тщательно спрятан в кустах возле гаражей, но зимой темнеет рано, поэтому его, скорее всего, не обнаружили бы до утра, если бы припозднившегося с выносом мусора жильца не привлек звук мобильного телефона, доносящийся из самого укромного уголка двора.

Убедившись, что видит перед собой мертвое тело, человек позвонил в полицию. Личность погибшей установили быстро: в большой спортивной сумке обнаружили не только плавательные принадлежности, но и паспорт, и мобильный телефон, на дисплее которого отражалось множество пропущенных звонков от сына. Парень встревожился, что мать вовремя не пришла из бассейна, сначала звонил, потом побежал ее разыскивать. Оперативник перехватил его возле спортивного комплекса, окольными путями отвел домой, где дождался бабушку, и только тогда сообщил мальчику печальную новость. Муж Карины Александровны в тот день находился в командировке в Москве и смог вернуться толь-

ко под утро.

Семья была состоятельная: муж – полицейский начальник, жена – главврач одной из городских больниц, но на элитные апартаменты пока только копили, а жили в хорошей квартире в хорошем районе сталинских домов. Это было действительно тихое, спокойное место, в котором редко случались даже обычные драки, а убийства и изнасилования так и вовсе никогда. Поэтому район считался безопасным, хоть в нем не было ни охраняемых закрытых дворов, ни даже видеокамер. Просто безопасный, и все тут. Жители без особых опасений оставляли под окнами свои дорогие иномарки и спокойно выходили из дому в поздний час, если возникала такая необходимость.

Поэтому Карина Александровна не боялась возвращаться пешком из бассейна, где плавала каждый четверг с двадцати одного до двадцати двух часов.

Она активно пользовалась своей машиной, но бассейн располагался так неудачно, что от дома Пестряковых до него было десять минут пешего ходу, а на машине – все полчаса плюс трудности с парковкой. В далекие советские времена, когда строился этот бассейн, никто не мог предположить такое обилие у граждан личного транспорта, и стоянки в проект не забивали.

Обычно Карина Александровна возвращалась без двадцати одиннадцать, и сын сразу встревожился, когда мать не появилась в назначенное время.

Взрослый человек стал бы себя успокаивать, придумывать разные невинные оправдания, но паренек сразу бросился на поиски, не прекращая названивать матери. К счастью, он пробежал другим двором и был избавлен хотя бы от того, чтобы видеть мертвую мать, лежащую в грязи.

Как только выяснили, что жертвой является жена начальника собственной безопасности, сразу выдвинули версию, что убийство связано с профессиональной деятельностью мужа, и версия эта продержалась вплоть до осмотра тела.

Женщина была задушена с помощью плетеной полиэфирной веревки, но на пальто нашли совершенно недвусмысленные следы спермы, а в кармане записку, выполненную от руки, со словами «Валя, Валентина, что с тобой теперь, белая палата, крашеная дверь». Зиганшин не знал, что это слова из поэмы Багрицкого «Смерть пионерки», когда он учился, из школьной программы уже изъяли это людоедское произведение, но теперь вот выпал случай ознакомиться. Он прочитал и не понял, очень дурно это или очень хорошо, но, во всяком случае, художественной силы хватило, чтобы вдохновить маньяка на подвиги.

Почерк в записке был не то чтобы плохой, а какой-то детский, неустойчивый и неровный. Как выразился судебный медик, «либо дебил писал, либо врач».

От первоначальной версии отказываться тем не менее не спешили. Мужа протрясли вдумчиво и очень добросовестно, но безуспешно. Георгий Владимирович Пестряков был

то, что называется честный мент. Взятки не брал не в том смысле, что не попадался, а действительно не брал. Зиганшин чрезвычайно уважал Георгия Владимировича даже в темную пору своей жизни и знал, что многие товарищи по оружию разделяют его чувства. Пестряков изобличал оборотней в погонах, но поступал с ними справедливо, без лишней жестокости, и оперативникам не удалось найти ни одного человека, которого так источила бы жажда мести, что он решился на преступление.

Не забыли они и другую сторону работы Георгия Владимировича. Собственная безопасность занимается не только чисткой рядов, но и защитой сотрудников. Здесь тоже не за что оказалось зацепиться.

Вскользь прошлись по версии убийства жены мужем, просто потому, что это так же необходимо, как ежегодная флюорография. Стандарт.

Только у Пестрякова было неопровержимое алиби, и вообще семья жила мирно и хорошо, Георгий Владимирович и Карина Александровна считались красивой и дружной парой. Несмотря на то что супруги много работали, делали карьеру, они не утратили связей с друзьями юности и родственниками, часто ходили в гости и устраивали вечеринки сами – словом, имели широкий круг общения.

«Действительно, наверное, дружная и счастливая семья, – вздохнул Зиганшин, – когда люди живут в радости, с лаской, то хватает сил на всякую такую лабуду вроде тусовок. Это

злость забирает всю энергию. Хотя я бы на них посмотрел, как бы они запели с пятью детьми. Всю великосветскость как ветром сдуло бы».

Да, в общем, было не так уж важно, любили друг друга Пестряковы или нет, потому что в материальном плане Георгий Владимирович ничего не выигрывал от смерти супруги. Если уж он так сильно не хотел с нею жить, проще было решиться на развод, чем на убийство.

Вяленько поковыряли версию, что убийство связано с профессиональной деятельностью самой Карины Александровны. Все же она была главный врач крупной городской больницы, но в должность вступила всего за полгода до смерти и вряд ли успела за этот срок настолько сильно раскатать паутину коррупционных связей, что потребовалось срочно устранить строптивного руководителя.

Подробности смерти Пестряковой не разглашались, но, как это всегда бывает, среди сотрудников быстро стали известны, и одна паспортистка пришла к следователю с рассказом, что несколько месяцев назад с ней произошел похожий случай. Только напали на нее не в уединенном дворе, а, совсем наоборот, в переполненном салоне автобуса, и она даже не сразу поняла, что происходит. Просто чувствовала, что кто-то слишком активно трется возле, и, только выйдя из транспорта, обнаружила на плаще сперму, а в кармане — записку с теми же самыми строками, что и у Пестряковой. В дежурную часть она, естественно, не обратилась, потому

что понимала, что коллеги будут стоять до последнего, а заявление не примут. Женщина просто выкинула плащ вместе с запиской, отмылась в семи водах и постаралась забыть о неприятном инциденте.

Проверили обращения граждан, аккуратно опросили оперативных дежурных: да, женщины периодически жаловались на половых извращенцев, но о записке никто не говорил.

Это исключало и без того фантастическую версию, что муж, по службе имеющий доступ к оперативной информации, узнал о маньяке и решил имитировать его почерк, чтобы избавиться от постылой жены.

Молодые и креативные оперативники решили действовать через социальные сети, опубликовав там несколько постов с просьбой всем женщинам, кто получал такие записки, связаться с ними и рассказать об этом.

Откликнулись шесть пострадавших, из которых только на двух напали до убийства Пестряковой. Маньяк действовал как под копирку – прижимался в автобусе или в толчее торгового центра, быстренько эякулировал, пока жертва не успевала понять, что вообще происходит, совал в карман или в сумочку записку и убегал. К счастью, география всех нападений, включая убийство Пестряковой, оказалась очень узкой, район возле одной станции метро, и оперативники довольно быстро вычислили Климчука и взяли его с полным карманом записок, которые он еще не успел вручить своим

жертвам.

Судьба этого уже немолодого человека сложилась очень несчастливо. Саша Климчук родился у нормальных родителей в нормальной семье, и сам до двенадцати лет был совершенно нормальным, умным и способным ребенком. Счастливое советское детство подарило ему намертво засевшие в памяти строки Эдуарда Багрицкого и клещевой энцефалит, полученный в походе по местам боевой славы.

Зиганшин вздохнул. В те годы укус клеща был экзотикой, и никто не принимал эту опасность всерьез. Не подсказали парнишке, что нужно ходить по лесу в сапогах, а вернувшись домой, обязательно переодеться и осмотреть себя. Бедный Саша вообще, наверное, не знал, чем опасен клещ, поэтому ничего не сказал родителям, а когда разобрались, что к чему, время было безнадежно упущено. Физически Климчук поправился, но превратился в дурачка.

Родители стоически перенесли этот удар и отлично ухаживали за сыном, тем более что он вел себя спокойно. Отец был крутым специалистом в области радиоэлектроники, неплохо зарабатывал, во всяком случае, мог позволить себе нанимать для Саши компаньона, так что бедняга не выходил на улицу самостоятельно, но за год до убийства Пестряковой старший Климчук умер. Саша остался вдвоем с матерью, которая не работала с тех пор, как сын заболел, соответственно получала минимальную пенсию и платить компаньону больше не могла. Она вообще считала, что компаньон

— это прихоть, а не жизненная необходимость. Саша понимает, кто он такой, любит родителей, знает, где живет, ориентируется в пространстве в пределах микрорайона, не забывает выключать воду, газ и электричество. Он даже за хлебом способен сходить. Почти нормальный человек, только получает пенсию по инвалидности. Можно предоставить ему больше свободы, чем было при муже. Старушке очень хотелось почувствовать себя матерью взрослого самостоятельно-го сына — вполне понятное желание, только вот, к сожалению, здоровье человека, в том числе психическое, это такая штука, которая не подчиняется управленческим решениям.

Естественно, Климчук не докладывал матери, чем занимается на прогулках, а поскольку открыл для себя новый увлекательный способ снятия сексуального напряжения, то дома его поведение изменилось только к лучшему. Он стал спокойнее, живее, добрее, и мать укрепилась в мысли, что тотальный надзор вредил Сашеньке. Поэтому, когда ей порекомендовали лечь в стационар на несколько дней, старушка согласилась. Саша обещал хорошо себя вести, но одиночество и свобода подкосили его и без того шаткую психику, вот он и решился на убийство.

Мать находилась в больнице, и алиби сыну составить не могла, но даже если бы она с пеной у рта клялась, что Саша весь вечер был дома, это вряд ли что-то изменило бы. Генетический анализ спермы подтвердил, что она принадлежит Климчуку, а почерковедческая экспертиза — что именно он

писал злосчастную записку.

Улики железобетонные, тут даже если здоровый человек станет талдычить о своей невинности, ему вряд ли кто поверит, а уж если дурачок – то и подавно.

Зиганшин поморщился от собственного высокомерия. Бедняга Климчук не виноват ни в том, что энцефалитный клещ выбрал именно его из всего пионерского отряда, ни в том, что отец умер, а мать состарилась, и некому стало за ним смотреть. Он – больной человек, и нельзя его ни в чем обвинять, а можно только пожалеть, и защитить людей от него, а его – от людей.

Ладно. На одной чаше весов – непреложные факты, а на другой – только профессиональное чутье Макса, который, видите ли, никак не может вписать убийство в картину климчуковской патологии. Но сколько угодно бывает нетипичного течения заболеваний, не так ли? Нужно теорию подгонять под факты, а не наоборот, и Макс пусть не мается дурью, а изучит случай Климчука, напишет научную статью и успокоится.

«Хотя это действительно странно, – вздохнул Зиганшин, – я не профессор психиатрии, но и по учебе помню, и из практики знаю, что обычно это у маньяков идет по нарастающей. А тут сначала развратные действия, потом они же с убийством, а потом снова только они. Не получил кайфа, что ли? Тогда зачем вообще начинал? А с другой стороны, все жертвы Климчука похожи друг на друга – ухоженные стройные

женщины около сорока лет, и Пестрякова прекрасно вписывается в этот ряд. И с географией все в порядке. Разве что... Да нет, бред, даже думать про это не стану! Не стану, и всё! Если Макс рехнулся от своих пациентов, это не значит, что у меня тоже должна поехать крыша! Потому что идея, что на Пестрякову сначала напал Климчук, а через пять минут другой маньяк, явно пахнет паранойей».

Несколько минут Зиганшин ехал, с преувеличенным вниманием слушая аудиокнигу «Война и мир», и пытался полностью сосредоточиться на злоключениях Пьера Безухова.

Потом чертыхнулся, помянул Макса нехорошим словом, поставил Толстого на паузу и набрал следователя Ямпольскую.

– Привет, Анжел, ты не против завтра в обед пересечься?

* * *

Для первого ужина с Аней Георгий выбрал панорамный ресторан в центре. Он вообще не выносил кабацкой пошлятины, но в этом заведении все было устроено весьма респектабельно, и не приходилось испытывать испанский стыд за пьяных певцов и драчунов.

Сюда приходили спокойно пообщаться и полюбоваться прекрасными городскими видами.

Сегодня шел сильный дождь, темная вода струилась по стеклу и размывала контуры купола Исаакиевского собора.

Огни фонарей мерцали, разгоняя сумерки, в которых уже чувствовалась будущая лазурь апрельского неба. Ливень шумел, сидящий близко к окну Георгий слышал четкую дробь тяжелых капель по крыше флигелька внизу, смотрел на текущий в струях дождя город и улыбался. Первый дождь после зимы пошел в день их первого свидания с Аней, и он не верит в приметы, но это что-нибудь да значит!

Георгий поднял бокал. Аня взяла свой, улыбнулась и слегка пригубила.

Ему все нравилось в этой девушке – красивое серьезное лицо, легкая фигурка и особенно аристократически длинная шея. Нравилось и то, как она оделась на первое свидание: простое черное платье, минимум украшений, гладко убранные волосы – строгий и элегантный вид.

И держалась она тоже строго и элегантно, Георгий давно не видел таких превосходных манер, а у людей младше пятидесяти так и вообще никогда.

С удовольствием посмотрев на тонкую шею Ани, на хрупкие изящные плечи и небольшую высокую грудь, он вдруг подумал, что у нее должны быть красивые дети, и мысль эта оказалась неожиданно приятной.

Снова стать отцом, окунуться в молодость, прыгать под окнами роддома вместе с юными самцами... Хотя сейчас, кажется, во время родов мужьям разрешают быть рядом с женами, а домой выписывают даже раньше, чем на третий день.

Георгий перевел взгляд на окно и в сбегающей по стеклу

воде вдруг ясно увидел будущее: они идут по аллее вдоль Исаакия к Медному всаднику. Ранняя осень, сухие листья уютно шуршат под ногами и шинами детской колясочки, которую он катит, любуясь безмятежным личиком малыша, уснувшего под ласковым осенним солнышком. Рядом идет Аня, красивая молодая мать, а по другую руку – Алешка, старший сын. Уже взрослый парень, он понял отца, принял мачеху и полюбил маленького брата. Идиллическое будущее, утопические мечты, но осуществить их вполне под силу человеку.

Он подумал, что Аня, несмотря на молодость, отлично впишется в компанию его друзей, с ней не стыдно будет появиться хоть на вечеринке, хоть на официальном приеме. Тут Георгий вспомнил про Аниного отца и чуть погрустнел: с таким тестем еще неизвестно, кому за кого будет не стыдно.

Тут подошел официант с закусками, и Георгий сообразил, что замечтался.

– Я так давно не ходил на свидание, что не знаю, как вести разговор, чтобы вам было интересно, Анечка, – сказал он.

Аня улыбнулась уголком рта:

– Можем поговорить о книгах.

Георгий отметил, что она не ухватила за слово «свидание», не стала расставлять точки над «i», – «ах, так у нас свидание?», – и мысленно поставил Ане еще один плюс.

– Я мало читаю, – ответил он, – и мало в моем случае

значит почти ничего.

– А я много. И в моем случае это означает слишком много. – По Аниному лицу пробежала то ли тень, то ли тонкая улыбка. – Иногда мне хотелось бы иметь меньше времени на книги.

Георгий подлил вина в бокалы:

– Давайте выпьем за то, чтобы ваши желания осуществились.

– Не могу не вспомнить пословицу «бойтесь своих желаний».

– А вы никогда не были замужем, Аня? – спросил Георгий напрямик.

Она покачала головой:

– Никогда, а вы разве не знаете? Не навели обо мне справки?

– Что вы, Анечка! Никогда не злоупотреблял служебным положением в личных целях.

– Я имела в виду, – безмятежно улыбнулась Анечка, успокаивая взволновавшегося Георгия, – что наши родители дружат с юности, и ваша мама знает обо мне ровно столько, сколько я сама о себе знаю, а возможно, даже больше.

Георгий картинно развел руками и заметил, что непосредственность восприятия является его принципом во всем.

– Я тоже не воспользовалась оперативной информацией родителей, – сказала Аня.

Она смотрела на Георгия доброжелательно и открыто, за

окном шумел дождь, нашептывая что-то обнадеживающее, а в зале почему-то никого не было, кроме них двоих, и Георгий решился:

– Анечка, я бы очень хотел продолжить наше знакомство, но для этого, думаю, нам необходимо обсудить мое семейное положение.

– Вот как?

– Да, Аня. Я вдовец, жена погибла насильственной смертью, и любые недомолвки тут могут все испортить.

Аня пожала плечами:

– Георгий, мне все известно. Я ведь контролировала, чтобы ни малейшей информации о Карине Александровне не просочилось в прессу.

– А я так и не поблагодарил вас, – смутился Георгий. – Спасибо, Аня.

– Это моя работа.

Улыбнувшись ему так, что стало ясно – тема исчерпана и закрыта, Аня взяла в руки вилку и нож и принялась за салат с рукколой. Она ела так красиво, что Георгий засмотрелся – сейчас это редкое умение. Снова в голове развернулись картины будущего: вот они обедают всей семьей, и Алешка, глядя на мачеху, тоже начинает есть как человек.

Георгий спросил, где она училась, и когда выяснилось, что тоже на юрфаке, всякая натянутость между ними исчезла. Они с упоением вспоминали старых профессоров, разные интересные случаи, которые происходили во время уче-

бы Georgia, а при Ане уже передавались как легенды, и так увлеклись, что засиделись почти до закрытия.

В такси Георгий отважился только на то, чтобы пожать Ане руку. Она ответила и, кажется, была готова пригласить его к себе. Или просто ей хотелось, чтобы он захотел остаться.

«И в принципе, – думал Георгий, слегка пьяный от близости по-настоящему красивой женщины, – это нормально. Мы знакомы очень-очень давно, хоть и мало, но фактически старые друзья, и не знаю, что она думает, а у меня все серьезно...»

Он проводил ее до квартиры, и теперь Аня стояла на пороге, спокойно и чуть насмешливо глядя на него. Достаточно было легкого намека, чтобы она пригласила его войти, но Георгий отступил к лифту.

«Пусть все будет красиво, – решил он, – чтобы потом мы могли рассказывать правду нашим детям, когда они начнут спрашивать, как папа познакомился с мамой».

Выйдя на улицу, Георгий обнаружил, что дождь прошел, забрав с собой остатки лежалого снега, и чистый мокрый асфальт нарядно блестит в свете фонарей, а влажный воздух дышит свежестью.

Сообразив, что успевает на метро, он быстро зашагал в сторону «Чкаловской». Будто вернулся в юность, в то время, когда был влюблен так, что казалось, оттолкнется от земли сильнее – и полетит...

Зиганшин помог Анжелике сесть в машину.

– Пироженку взять тебе или опять худеешь?

– Да уж возьми. Не до фигуры тут.

Кивнув, он зашел в кафе и купил навынос два огромных стакана латте, пару эклеров для Ямпольской, а себе какую-то штуку в лаваше с веселенькой оборочкой из салатных листьев.

Можно было просто посидеть в этом уютном заведении, но конфиденциальность превыше всего.

Он свернул в арку и припарковался в первом попавшемся тихом дворе, благо что день и все жители уехали на работу на своих машинах.

Зиганшин приоткрыл окно, впустил в салон сырой весенний воздух, пахнувший то ли рыбой, то ли свежестью, и откусил от своего лаваша.

– Ну что? – спросил он с набитым ртом.

Анжелика выдержала долгую театральную паузу.

– Ты понимаешь, родной, что Пестряков в случае чего нас на кол наденет? Особенно тебя, – сказала она наконец.

Зиганшин вздохнул и ничего не ответил.

– Я, конечно, обставилась, что все это ради опыта, но не могу же я до старости под дурочку косить, сам понимаешь. Умище-то куда я дену?

Зиганшин поймал каплю майонеза, сорвавшуюся с его обеда, и подумал, что питаться в машине, вообще-то, свинство и дурной тон.

– Умных не любят, так что ты все правильно делаешь, Анжел. Главное, ты по существу нарыла что-нибудь?

Анжелика приосанилась:

– Я тебе как мать трех дочерей скажу: пусть этот хмырь остается там, где он есть, как можно дольше, а в идеале навсегда. Сейчас он под присмотром, и слава богу, а убивал или нет – не так уж и важно. Главное, не бегает по городу и ни об кого не трется. Цель достигнута.

– Но...

– Хорошо, что зимой, а если бы летом? Прямо на тело бы извергал, фу, гадость какая! Вот зачем подумала, я же ем! – Анжелика поморщилась и поставила коробочку с пирожным на торпеду.

Зиганшин демонстративно откусил от своего бутерброда, чтобы показать, что он человек стойкий.

– Это не изнасилование, конечно, в полном смысле слова, но травму женщине может нанести такую, что будь здоров! Ты мужик просто, и не понимаешь.

– Куда мне...

– Ну и все. Псих в психушке, Пестряков отгоревал, куда ты вообще лезешь? Зачем? Хочешь выпустить из-под надзора извращенца, помучить хорошего мужика, просрать собственную карьеру, потому что Пестряков мужик реально хо-

роший, но не идеальный, и копания в своем грязном белье не простит, и ради чего? А главное, на каком основании?

– Я тебе говорил.

– Да-да, помню. Твоему другу психиатру что-то там помешалось. Так ничего удивительного, если он полжизни с дураками провел.

– Ну вот, знает их повадки.

– И перенял. Ты хоть одного нормального психиатра в своей жизни видел, родной? У них там кто первый халат надел, тот и врач.

– Давай, кати бочку на хороших людей.

– Короче, дорогой мой, там все чисто. Следствие проведено на отлично, это при том, что с такими уликами, как генетический материал – и записка, можно было вообще ничего не делать и нигде не искать.

– Ладно.

Ямпольская внимательно посмотрела Зиганшину в глаза:

– Что, вот так вот просто ладно, и всё?

– Всё.

– И ты не будешь больше нигде копать?

– Не буду.

– В чем подвох?

– Да все норм, Анжела. Тайны женской души мне, естественно, не доступны, но рискну предположить, что все-таки дамы предпочитают, чтобы о них лучше просто потерлись, чем убили. А если Климчук не убивал, то душитель где-то

бегают на свободе и может повторить. Вот и вся моя логика. Но раз ты говоришь, что все в порядке и сомнений в его виновности нет, то я очень рад. Мне, знаешь, тоже есть чем заняться, кроме как вносить свой скромный вклад в психиатрическую науку.

Анжелика вдруг нахмурилась и вернулась к недоеденному эклеру. Зиганшинпил кофе и размышлял о всяких житейских делах, не торопясь в обратный путь. Он смотрел на детскую площадку с яркими разноцветными горками и качелями, на ребятишек и мамаш и думал, что купит квартиру в этом самом дворе, почему нет. Или в другом, поближе к Анжелике, чтобы дружить семьями именно так плотно, как она привыкла в своем военном городке. Или найти квартиру в доме прямо напротив отдела – и хулиганов нет, и на работу близко. Зиганшин вздохнул: все зависит от мамы, а у него самого с деньгами полный швах. Получка – грех жаловаться, но ведь жена и пятеро детей, и шестой скоро будет, если суррогатная мамаша не взбрыкнет в последний момент. Зиганшин поморщился. Проект, придуманный женой Фридой: зачатый в пробирке ребенок вынашивается суррогатной матерью, с которой заключили договор и изрядно ей заплатили, ему не нравился, но когда это женатый человек делает то, что ему по душе? Вот именно никогда.

Фрида вдруг решила, что пятерых приемных детей ему для счастья недостаточно, обязательно нужно еще одного, родного, плоть от зиганшинской плоти, так сказать. Это ка-

залось ему несправедливым по отношению к жене и не хотелось, чтобы какая-то чужая баба вынашивала его ребенка, и вообще надо жить по-христиански, то есть довольствоваться тем, что дает Бог, и не пытаться обмануть природу, выторговывая себе счастье разными кривыми путями. «Все это, конечно, очень интересно, – сказала Фрида, – но встал и пошел в центр планирования семьи. Остальное по дороге расскажешь».

И Зиганшин встал и пошел, поставив только одно условие – он никогда не узнает, кто выносил его ребенка. Он очень боялся, что женщина захочет оставить ребенка себе, и не совсем понимал, что станет делать в этой ситуации. Отпустит с миром или... А между тем любое «или» будет безнравственно, потому что у него пятеро детей, которым он обязан посвятить все свои силы и заботы.

Фрида зря все это затеяла, и хуже всего, что еще больше полугода ему жить на горячей сковородке неопределенности.

За это время надо решить с квартирой и купить максимально просторную. Придется продать любимый джип и взять автомобиль попроще. Сильно попроще, потому что кататься каждый день в деревню больше не будет необходимости, а до супермаркетов можно и на отечественном автопроезде доехать.

Черт, он уж и подзабыл вкус бедности. Точнее, стесненности в средствах, потому что до настоящей бедности ему, к

счастьем, очень далеко. Просто много лет привык жить, все себе позволяя, и теперь трудно перестраиваться. Раньше хотел квартиру – пожалуйста, крутую тачку – нет проблем, потянуло к корням – вот тебе, Митенька, дом в деревне. А сейчас, с детьми и моральными ценностями, приходится носки себе штопать.

Теперь Зиганшину казалось странным, как это он так непринужденно вписался в систему и много лет без тени стыда или раскаяния занимался разными неблаговидными делишками. Он рос в семье глубоко порядочных людей и в юности был чист душой, а потом любимая девушка Лена не дождалась его из армии, вышла за состоятельного человека, и пламя юности угасло в Мстиславе Зиганшине под натиском чего-то холодного и тягостного.

Он узнал, что можно предать любовь ради денег и быть счастливым, откосить от армии и прекрасно жить, не чувствуя стыда, а, наоборот, гордясь своей расторопностью. Розовые очки вдруг свалились с носа, и он увидел, что все так живут. А там уж мысль «раз все, то почему не я» не заставила себя долго ждать.

Он решил, что есть в богатстве что-то такое важное, надежное и настоящее, и оно, наверное, действительно дает счастье, раз ради него можно пожертвовать любовью.

Многие считали его дураком, простофилей, что он служил, воевал и рисковал за чем-то жизнью, когда так просто было этого не делать, и он понял, что действительно был ду-

раком.

На практике в школе милиции он хотел проявить себя с лучшей стороны, но удостоился только небрежного «Дитя войны», сказанного наставником с таким презрением, что Зиганшину стало тогда стыдно и за то, что воевал, и за свою горячность.

К выпуску он точно знал, что быть честным – глупо и позорно, а истинно достойное занятие для мужика – это крутиться и наваривать, чем Зиганшин и промышлял долгое время.

Если совесть, пребывавшая после Лениной измены в глубокой коме, вдруг приоткрывала один глаз, Зиганшин быстро успокаивал ее тем, что он на фоне остальных просто бриллиант честности и профессионализма, и покуда он реально защищает одних граждан от посягательств на их жизнь, здоровье и имущество, то имеет полное право вознаградить себя за счет других граждан, которые разбогатели далеко не честным путем, и теперь еще чего-то хотят.

«Система такая», – говорил он себе, пока в один прекрасный день не понял, что системы не существует. Есть конкретные люди на конкретных рабочих местах, принимающие конкретные решения, а системы нет. И если он на своей должности берет взятки, то виноват в этом не Вася Пупкин, который тоже берет на аналогичной должности, и уж точно не «страна такая», не «государство, у которого сколько ни воров», своего все равно не вернешь», а только и исключи-

тельно он сам.

Он тогда как раз вынужден был усыновить племянников и собирался уходить со службы, поэтому потихонечку слил свою теневую экономику, а потом встретил Фриду, женился и остался в полиции. И как-то возродился, хоть это звучит высокопарно и фальшиво.

А не возрождался бы, так сейчас купил бы любую квартиру, какую захотел, и недвижимость Виктора Тимофеевича трогать бы не пришлось. А теперь придется все активы слить, зато Пестрякову может смело смотреть в глаза, и вообще любому человеку. Честный мент с шестью детьми. Бедная Фрида, послал Бог мужа-идиота!

Зиганшин усмехнулся и снял крышечку со своего стакана. Черт, для него теперь даже этот несчастный кофе – уже дыра в бюджете, а дальше будет только хуже. Старшим скоро готовиться к ЕГЭ, а значит, нужны репетиторы. Но и занятия с ними не дают гарантий поступления на бюджетные отделения, а значит, платить еще и за учебу, потому что хорошее образование – это очень важно.

В общем, хорошо быть честным и принципиальным, если ты один и отвечаешь только за себя. А когда ты остепенился, обременен семьей, твоя спокойная совесть может приоткрыть второй глаз и спросить: «А почему это, Митенька, у тебя дети придурки и работают черт знает кем? Лох ты, а не отец».

В общем, Зиганшин предчувствовал, что его возродив-

шимся и еще не окрепшим моральным принципам предстоит новое серьезное испытание, и на всякий случай от Пестрякова лучше держаться подальше.

Он вспомнил свою беседу с Георгием Владимировичем, состоявшуюся перед его назначением на должность начальника отдела.

Пестряков принял его с вежливостью, которая Зиганшина не обманула.

Вскользь пройдясь по достижениям подполковника Зиганшина, Георгий Владимирович заключил:

– Надеюсь, вы понимаете, что, если я о чем-то не говорю, это не значит, что я об этом не знаю.

Зиганшин выдержал долгий пристальный взгляд и ничего не ответил.

– Вы способный, даже талантливый офицер, – продолжал Пестряков, – участник боевых действий, но все же я долго сомневался, прежде чем дать вам рекомендацию.

Зиганшин пожал плечами.

– Признаюсь, что я хотел дать вам отрицательную характеристику, но узнал, что вы воспитываете приемных детей.

– Разве это имеет отношение к профессионализму? – усмехнулся Зиганшин и сообразил, что своим повышением обязан полковнику Альтман. Безумная женщина продавila его назначение, апеллируя к простой человеческой жалости.

– Косвенное имеет. Я изучил вашу биографию более внимательно и увидел много положительных черт. Вы умеете ра-

ботать с людьми, обладаете личной храбростью... В общем, не буду расточать вам комплименты, просто резюме: у вас есть потенциал, и я надеюсь, что вы образумитесь, и мне не придется потом жалеть о том, что дал вам рекомендацию.

Зиганшин вышел от Пестрякова с неприятным ощущением щенка, которого ткнули носом в собственную лужу, и в тот момент никакой благодарности к Георгию Владимировичу не чувствовал. Наоборот, в сердцах обзывал его козлиной и ворчал, что очень легко быть принципиальным и радеть за честь мундира, когда у тебя папа генерал-майор милиции, а мама – проректор медицинского института.

Можно и попрыгать на канате, когда внизу растянута мягкий батут, а на поясе – страховка, почему нет? Весело, интересно, а главное – безопасно. А еще так здорово унижать тех, которые идут на свой страх и риск, зная, что при первом неосторожном движении упадут и разобьются.

Пестряков тогда сильно задел самолюбие Зиганшина, и он злился, мол, конечно, когда родился в такой семье, можно и не брать взятки, а потом сообразил, что можно и брать. И ого-го как можно! А Георгий Владимирович вот нет, не берет, поэтому имеет право свысока смотреть на таких заблудших, как Зиганшин.

Главное, дал рекомендацию, поверил в него, и Зиганшин чувствовал какое-то противное детское желание оправдать это доверие.

Он собрал упаковки от еды и добежал до урны возле детской площадки. Напрасная встреча и напрасное сидение в машине вместо кафе или Анжелкиной кухни.

На что он рассчитывал, когда просил ее посмотреть дело? Что она найдет какую-нибудь зацепку? Но там ничего нет, а что Пестрякова не надо дергать за усы без крайней необходимости, он и без Анжелы знает. Как и то, что извращенцам место в дурдоме.

Ради этой ценной информации не стоило сажать майонезное пятно на новенькие форменные брюки.

Зиганшин вернулся в машину, вздохнул и потянулся к ключу зажигания, но Анжелика перехватила его руку:

– Слушай, одна несуразность все-таки меня смущает. Это, конечно, мелочь, но двор, в котором была убита Пестрякова, находится чуть в стороне от оптимального маршрута «бассейн – дом».

– То есть?

– Славик, я знаю этот район. Больше скажу, плавала в том бассейне, когда была маленькая. У меня там поблизости бабушка жила, и я проводила у нее много времени. То есть не столько у нее, сколько тусовалась с местной гопотой, так что райончик знаю как свои пять пальцев. Но на всякий случай еще гугл-карты посмотрела, так вот я тебе скажу, родной, что через этот двор пройти, конечно, можно, но так поступил бы только круглый идиот. Зачем, если есть прямая, открытая и хорошо освещенная дорога?

– Может, срезать она хотела?

– Я тебе говорю – прямая! Куда еще срезать? Логичное объяснение только одно: женщина вышла из бассейна с кем-то вместе и проводила этого кого-то до остановки или даже до парадной, а потом дворами двинула домой. Тогда все сходится. Только подружка, с которой они вместе плавали, показала, что Карина ушла одна. Кстати, тут единственная недоработочка – не опросили охрану бассейна и не затребовали записи видеокамер, но это простительно.

Зиганшин пожал плечами. Пока не знаешь истину, не поймешь, что простительно, а что – нет.

– В общем, незачем было бабе заворачивать в тот двор, – заключила Анжелика. – Между тем не обнаружили никаких признаков, что тело перенесли.

– Может, Климчук ее припугнул и угрозами заставил пойти куда ему надо? Или притворился, что ему плохо, а Карина Александровна была врач, хоть и главный. Клятва Гиппократа, то-се...

– Ты слишком хорошего мнения о мозгах Климчука и о благородстве Карины Александровны. Он бы не додумался давить на жалость, а врачебный долг это, конечно, хорошо, но в случае чего Гиппократ тебя не защитит. Я лично сомневаюсь, что сунулась бы в темный двор.

– Я бы сунулся, но тоже без особого энтузиазма, – вздохнул Зиганшин, – а Пестрякова, может, смелая женщина была или действительно кого-то провожала.

– У нее теперь не спросишь...

– И записи с камер не посмотришь.

– Нет.

– Но раз ты говоришь, что все чисто...

– Все, родной. Придраться не к чему.

– Вот и хорошо.

– Только знаешь, что реально могло быть?

– Весь внимание.

– Если на нее напал Климчук, перехватил где-то по пути, облапил быстренько и убежал, а она отошла в сторонку почиститься и оценить ущерб. А тут убийца не заставил себя ждать.

– Взрослая уравновешенная женщина сворачивает на темную помойку, хотя в трех минутах ходьбы светлый и безопасный дом? Да не, бред какой-то.

– Конечно, бред.

– Полный.

– Так точно, дорогой. Только ты забываешь, что дома ее ждал сын-подросток. Наверное, матери не очень хотелось показываться ему расхристанной и с пятном спермы на пальто.

– Нельзя нам с тобой работать вместе, Анжелочка, – вздохнул Зиганшин, – вечно мы ерунду какую-то придумаем.

Георгий не любил выходные, которые с юности казались ему бездарной тратой времени. Субботы и воскресенья нравились ему только тем, что утром можно выпить кофе, никуда не торопясь, а потом начиналась скука. Когда Карина была жива, они обычно ездили в гипермаркет, закупались продуктами на неделю, а дальше начиналась культурная программа. Музей, или парк, или лыжи, или еще что-нибудь – Карина всегда знала, где можно провести досуг. Вечером – театр или гости. Георгий томился в музеях, скучал в театрах и гости тоже не особенно любил, но понимал, что нужно уделять время семье, духовно развиваться самому, да и альтернативы, в общем-то, нет. Любое другое времяпрепровождение будет еще более бессмысленным и пустым.

Подрастая, сын стал отвиливать от совместных мероприятий, приходилось тащить его чуть ли не со скандалом, но, если Алешке не удавалось физическое отсутствие, духовно он оказывался очень и очень далеко. Карина отбирала у него телефон, но это не помогало. Сын погружался в свои мысли и не замечал ни прекрасных картин, ни действия на сцене.

Видя страдания сына, Георгий порывался дать ему амнистию от искусства, но Карина была непреклонна. Они же не быдло и не алкаши, а культурные люди и обязаны заниматься воспитанием ребенка.

Георгий был с этим согласен и занимался, но всегда был рад, когда служебная необходимость призывала его на службу в воскресенье.

На уровне ощущений Георгий помнил скуку и тоску выходных, но теперь, на втором году вдовства, они представлялись ему счастливыми, и воспоминание о радости, которой никогда не было на самом деле, вгоняло его в еще большее уныние.

Он хотел быть ответственным отцом, но без жены проводить время с сыном не получалось. Алешка вечно был занят то уроками, то спортом, то хотел общаться с друзьями, и Георгий понимал, что для парня это важно, важнее, чем таскаться с хмурым папашей по пыльным музеям.

У сына была еще одна страсть – чтение. Георгий втайне завидовал способности Алешки с головой погрузиться в книгу, не видя ничего вокруг. Тренер жаловался, что он даже на соревнованиях ухитряется читать, поэтому из него никогда не выйдет чемпиона, хотя физические данные прекрасные.

Георгий тогда огорчился, но не очень сильно – мужчина должен стремиться к победе, но преуспеть лучше не в спорте, а в какой-нибудь отрасли, где любовь к чтению станет плюсом, а не минусом.

У самого Георгия этой любви никогда не было. С большим трудом одолев школьную программу, он решил, что данного культурного багажа ему хватит на всю жизнь, и дальше читал только специальную литературу.

Вымысел был ему неинтересен в любой форме, поэтому он и фильмы не любил, а в театр ходил только ради антракта.

Теперь, когда жена умерла и некому стало заботиться об его досуге, Георгий по выходным наматывал бесконечные километры на беговой дорожке под какую-нибудь документалку. Он существенно расширил свой кругозор и подтянул физическую форму, но тоска по ускользающему времени его не покидала.

Георгий впервые испытал это чувство, будучи шестиклассником. В тот день он не пошел в школу, потому что утром по телику показывали фильм «Корона Российской империи» (наверное, составители программы решили порадовать советских детей, добрую половину которых эпидемия гриппа уложила в кровати). Георгий как раз переболел и чувствовал себя вполне прилично, но, имея в виду посмотреть фильм, немножко преувеличил слабость и головокружение, так что мама разрешила ему остаться дома.

Родители ушли, а он приткнулся к телевизору и какое-то время завороченно пялился на экран, как вдруг почувствовал леденящий ужас, причину которого не мог сразу понять.

Сначала он подумал, что просто завидует героям фильма, их насыщенной и интересной жизни, но вскоре сообразил: все гораздо хуже. Это была острая тоска по самому себе, по бесцельно потраченному дню, который никогда не вернется. Он вдруг показался себе каким-то грязным, обрюзгшим, отвратительным и старым. К горлу подкатила тошнота, и Георгий

гий решил срочно выбираться из этого болота, пока не увяз. Он выключил телевизор, раз и навсегда стряхнул с себя морок художественного вымысла, и когда родители вернулись с работы, застали отрадную картину: сын сидел за учебниками и пытался решить задачу со звездочкой.

Георгий стал лучше учиться, плотно занялся дзюдо, приналег на общественную работу, хотя до этого был холоден к пионерскому движению, и быстро поднялся до председателя совета дружины, успел провести эпический сбор макулатуры и металлолома и готовился стать председателем комитета ВЛКСМ школы, но тут эта могучая организация вдруг перестала существовать.

Георгий не растерялся, ибо в коммунистические идеалы не верил с детства, а в комсомоле тусовался только потому, что нравилось быть занятым, энергичным и востребованным. Они с ребятами не штудировали труды Маркса, а занимались разными полезными делами, за которые не стыдно людям в глаза смотреть при любой политической системе.

Впрочем, рано усвоив полезный урок, что идеологическую платформу могут выбить у тебя из-под ног в любую секунду, Георгий больше не совался в политику.

Исчезнувший комсомол больше не мог ему помочь с поступлением в вуз, но, к счастью, Георгий получил медаль и без труда прошел на юрфак университета, исполнив мечту отца, выпускника школы милиции.

В универе он учился так же ревностно, как в школе, и

спортом занимался так активно, что однажды даже выиграл студенческое первенство. Общественная работа в те годы пришла в полный упадок, и Георгий ходил в Студенческое Научное Общество, писал статьи и собирал материалы по поручению преподавателей, в общем, жил насыщенной и полной жизнью.

Потом делал карьеру, создавал семью, стараясь, чтобы ни один день не пропадал напрасно, и все равно нет-нет да и хватала за душу холодная каменная рука.

А теперь что ж... На службе он достиг потолка, совершенно ясно, что генералом он никогда не станет и на повышение тоже не пойдет. Жена умерла, сын почти вырос, и в будущем ничего его не ждет, кроме пенсии.

Он прожил достойную жизнь, максимально используя время, силы и способности, не только достиг высокого положения, но и совершил много хороших дел, которыми имеет право гордиться, но так не хочется чувствовать себя выброшенным из жизни! Боже, как не хочется! Акела должен промахнуться, но суть не в том, что придется уступить дорогу молодым и ловким волкам, а в том, что Акела не может схватить проносящийся мимо день. Время утекает без толку, без смысла, сколько ни клацай вокруг него зубами...

Он не думал об этом, только когда был влюблен. О, тогда он знал, зачем живет, и был так счастлив, что ни о чем не жалел и ничего не боялся. Тогда даже безделье казалось ему исполненным глубокого смысла, если рядом с любимой.

Время то давно ушло, но вдруг вернется хотя бы тень прежнего счастья, если у них с Аней все получится?

Георгий замечтался: картины будущей семейной идиллии с Анечкой представляли перед его внутренним взором так ясно, что просто обязаны были сбыться. Родится дочка, такая же хорошенькая и изящная, как Аня, и любовь вытеснит из сердца безнадежность, и время станет не бессмысленно утекать, а приближать его к первой улыбке, первому шагу, первому слову малышки.

Снова придется бороздить музеи и театры и нырнуть в водоворот семейных торжеств, и снова будет ему скучно, но скука – это не тоска.

Георгий слез с беговой дорожки и отправился принять душ.

Он долго стоял под струями горячей воды, которую включил на полную мощность, громко и фальшиво пел и думал, звонить девушке или лучше просто послать ей букет цветов с романтической записочкой. Склонялся он ко второму варианту: так получилось, что Георгий никогда не ухаживал за девушкой, и теперь ему хотелось прочувствовать, каково это.

«А целовать пока не будем», – вдруг вспомнил он скабресный анекдот и рассмеялся.

Время утекает безвозвратно, но некуда им с Анечкой спешить.

Выйдя из ванной, он увидел, как Люся несет в комнату сы-

на чай и тарелочку с печеньем. Георгий поморщился – «что за барство» – и остановил ее.

– Но как же, – растерялась Люся, – Алешеньке сейчас надо это.

– Что это? – хмуро спросил Георгий, недоумевая, почему Люся вообще здесь.

– Это же первое дело, чайку выпить, когда грустно, – сказала она с уверенностью, – в чае самая сила.

– Почему вы решили, что Алексею грустно?

– Ой, ну вы не женщина, не понимаете. Мальчику сейчас забота нужна и ласка. Шутка ли, мать потерял, а вы совсем его не жалеете.

– Отнесите в кухню, – скомандовал Георгий, которому совершенно не хотелось устраивать митинг в собственном коридоре, – и в дальнейшем я вас настоятельно прошу ничего подобного не делать.

– Но, Георгий Владимирович...

– Настоятельно прошу, Люся, – с нажимом повторил он, – и кстати, я сегодня не ожидал вас тут увидеть.

– Да я вчера догладить не успела.

– Ничего страшного, сделали бы в понедельник.

– Там новые дела накопятся. Хозяйство – это такое дело, чуть зевнешь и через день уже не будешь знать, за что хвататься. Да вы не волнуйтесь, я лишних денег не возьму, вы ж мне почти родные.

Георгий сдержанно кивнул, и вдруг стало неприятно, что

Люся видит его в халате и с мокрыми волосами. Не настолько они все-таки родные.

– У меня ж тоже сердце не каменное, – вздохнула Люся.

Георгий молча вернулся к себе и оделся, с досадой думая, что обидел домработницу. Разве можно порицать человека, когда он близко к сердцу принимает чужое горе и хочет помочь?

Люся работала у них в семье много лет, Георгий уж и со счету сбился. Карина всегда употребляла глагол «служит», а не работает, и он действительно подходил гораздо лучше. В истории семей Люси и Карины сквозила тень какого-то книжного благородного служения.

Отец Карины Александр Корсунский был главным прокурором области, а мать до перестройки трудилась судьей, но как только стало можно, основала адвокатскую контору и замечательно преуспела в своем бизнесе. При такой насыщенной жизни не до быта, и много лет в семье служила Галина Федосеевна, расторопная баба, красивая монументальной русской красотой.

Георгий до сих пор с восторгом вспоминал, как она делала тесто для пельменей: брала доску, насыпала горку муки, выливала туда яйцо, еще что-то и начинала рубить ножом, так что через несколько минут непостижимым образом появлялся упругий шар.

Юридическая фирма тещи приносила солидный доход (Георгий предпочитал думать, что дело обстоит именно так,

и тесть-прокурор тут ни при чем), семья переехала в загородный дом, обзавелась целым штатом прислуги, а Галина Федосеевна стала кем-то вроде дворецкого.

Когда Георгий женился и родился сын, на семейном совете было категорически решено сделать все, но не допустить, чтобы Карина попала в кухонное рабство. Она – умненькая девочка, с перспективами, и совершенно не обязана хоронить себя среди кастрюль и подгузников.

Чтобы этого не произошло, на помощь молодой семье была командирована Галина Федосеевна. Она приходила три раза в неделю и здорово освободила их от быта. Георгию было немного неловко перед другими молодыми семьями, которые прекрасно справлялись самостоятельно, а потом он привык, и даже то, что услуги Галины Федосеевны оплачивали родители Карины, со временем почти перестало его смущать.

Он понял, что жена – это жена, а прислуга – прислуга, и смешивать эти понятия не нужно. У уважающего себя мужчины супруга пол не моет, а если варит борщи, то исключительно потому, что любит это делать, а не по необходимости угодить своему повелителю.

Плохо, когда нет возможности держать прислугу, но еще хуже, если возможность есть, но использовать ее запрещает раздутое эго мужа, и очень некрасиво испортить жене профессиональное будущее только из ложной гордости, чтобы ощущать себя альфа-самцом.

И все равно первые годы брака было немного неловко перед родителями жены. После университета его ждало отличное место в юридической фирме тещи, тогда еще будущей, но он пошел служить в милицию. Просто не мог поступить иначе.

К счастью, его мама тоже решила заняться бизнесом и удачно вложилась в стоматологическую клинику. Там была и доля Георгия – будучи студентом, он перегонял подержанные машины из Германии и неплохо на этом заработал. Против ожидания, мамин проект не прогорел, а совсем наоборот, и Георгий каждый месяц получал неплохие дивиденды, не миллионы, конечно, но оплатить труд помощницы по хозяйству вполне хватало.

Лет семь назад Галина Федосеевна вышла на заслуженный отдых и вместо себя порекомендовала дочь. Люся была парой лет старше Карины, работала где-то продавцом и нуждалась в дополнительном заработке, поскольку одна тянула ребенка.

Статью Люся пошла в мать, такая же красивая и расторопная, Георгий недоумевал, что за дурак ушел от этой роскошной женщины.

За семь лет он привык к ней, но не привязался и почти родной не считал. А ведь она действительно сильно поддержала их с сыном после смерти жены. Георгию ни одной секунды не пришлось задуматься о быте, все осталось в точности как при Карине.

Георгий поморщился от своей неблагодарности. Давно следовало дать ей премию или повысить зарплату, а он принимал заботу Люси как что-то само собой разумеющееся.

Он зашел в комнату сына. Алешка лежал на диване, уткнувшись в книгу. Длинные тощие ноги с узкими ступнями в пронзительно зеленых носках были заплетены каким-то невообразимым узлом.

Увидев отца, Алексей хотел встать, но Георгий положил руку ему на плечо, сам сел рядом и скосил глаз на обложку книги: очередной Джордж Мартин. В этом весь сын – пока весь мир сходит с ума по сериалу, Алешка читает первоисточник. А грызть печеньки во время этого процесса – самое то.

– Тебе Люся часто дает что-нибудь вкусненькое? – напрямик спросил Георгий.

– Бывает.

– Я тебя прошу больше ничего у нее не брать.

– Почему?

– Потому что это вредно.

– Ну послать ее будет как-то не круто.

– И все же не бери. Я ей сказал, но не уверен, что она меня послушает.

– Что за интрига, пап?

– Просто тебе этого не нужно. Люся тебя жалеет, хочет утешить, но поверь, это так не работает. Разве что-то изменилось оттого, что ты попил чаю с печеньем? Нет, дорогой,

положение осталось прежним, только ты приобрел плохую привычку заедать стресс, вот и все. Ты же не собачка, чтобы тебе давали сахарок. Когда ты попадаешь в трудную ситуацию, надо не чай пить, а подумать, что делать, и делать это, а если сделать ничего нельзя, то решить, как жить дальше в новых обстоятельствах.

– Пап, да я понял.

– А то сегодня ты приучишься сладким утешаться, а завтра что – алкоголь?

– Ну хоть не вещества, спасибо и на этом.

– Не надо иронизировать, это очень серьезно. Когда приучаешься давать себе поблажки, очень трудно потом остановиться. И раз уж мы об этом заговорили, сынок, вот что я тебе хочу еще сказать...

Георгий замаялся. Он не привык вести с сыном душевных разговоров и сейчас испугался, что Алешка решит, будто он на него сердится.

– Ты потерял мать слишком рано, – продолжал Георгий, осторожно подбирая слова, – а я не умею тебя как следует утешить, потому что моя мама еще жива. У меня просто нет такого опыта, я не знаю, отчего тебе могло бы стать легче. Правда, не знаю, сын.

– Да все нормально.

– Только одно я тебе скажу совершенно точно: не принимай чужую жалость. Кто-то, вроде нашей Люси, искренне тебе посочувствует, а большинство совсем наоборот. Жалость

— это эволюция инстинкта стаи бросать слабых и больных на растерзание хищникам. Ах ты бедненький, несчастненький, ну посиди, погорюй, попей чайку, пожалей себя, а мы пока побежим вперед и займем то место под солнцем, которое досталось бы тебе, пойдешь ты с нами, — вот что думают сердобольные жалельщики. Не поддавайся им, Алеша, не слушай добреньких и не жалеешь себя, а то раскиснешь. Ты получил серьезный удар, но рефери уже отсчитал, надо вставать и продолжать драться.

Алешка улыбнулся, показав крепкие белые зубы. Один был чуть скошен, в точности как у отца.

— Не так важно, победишь ты или проиграешь, но бороться надо в полную силу, вот и все, сынок. Вся премудрость жизни.

— Спасибо, пап, что поговорил со мной, — сказал сын.

Георгий похлопал его по плечу, встал и вышел, так и не поняв, была это ирония или нет.

* * *

Психиатрическая больница, где лечился Климчук, располагалась почти за городом, отделенная от железной дороги полоской густого, совсем дикого леса. Снег сошел, только в тени старых елей оставались маленькие островки грязных городских сугробов.

Неряшливо лежала на земле желтая прошлогодняя трава,

на колючих голых ветках шиповника, густо росшего вдоль забора, кое-где виднелись черные сгнившие ягоды. Как будто сюда за зимой сразу вернулась поздняя осень.

Припарковавшись, Зиганшин вышел к воротам больницы, набирая номер Макса. Просто так на территорию не пускали.

Высокое здание больницы, сложенное из красного кирпича, смотрелось нарядно на фоне свинцового неба, и Зиганшин слегка приободрился. Из фильмов и книг он имел крайне нерадостное представление о сумасшедших домах и сторонился этих учреждений.

«Так, всё, Кларисса Старлинг, не бзди, – приказал он себе, – никто тебя тут не обидит».

Откуда-то появился Макс в идеально отглаженном двубортном халате, таком старомодном, будто снял его с портрета какого-нибудь своего медицинского корифея. Он быстро зашагал к воротам, пошептался с охранником, и Зиганшин был милостиво пропущен сквозь турникет.

– Хорошо, что вы пришли, – сказал Макс и повел его куда-то в сторону по вымощенной плиткой дорожке. Оглядевшись вокруг, Зиганшин ахнул: больница оказалась гораздо больше, чем он предполагал. Обогнув кирпичное здание, он увидел еще одно такое же, а вокруг по довольно большому саду было разбросано еще несколько домиков, тоже красного кирпича, но старинной постройки, с узкими стрельчатыми окнами, крутыми арками и высокими крышами. Зиганшину домики напомнили тюрьму «Кресты», и от этого сделалось

грустно.

– Да у вас тут целый город, – сказал он.

Макс взмахнул рукой, будто обводя свои владения.

– Можно сказать, государство в государстве. Как Ватикан, – улыбнулся он, – никто в нем не рождается, но население растет.

Зиганшин снова огляделся. Несмотря на пасмурный день, в больничном саду было много народу. Люди сидели на скамейках, гуляли, неподалеку человек жадно курил, прислонившись к дереву, и только присутствие людей в медицинской одежде говорило о том, что это не обычный парк.

Ну и отсутствие мамаш с детьми тоже заставляло настроиться.

А так ничего особенного. Зиганшин и Голлербах спокойно шли, Макс вежливо отвечал на приветствия, и от этой свойской обстановки Зиганшину стало совсем не по себе.

Наконец они добрались до закрытого отделения, где атмосфера слегка сгустилась. Тяжелые двери с решетками, пропускники, почти как в их системе.

В отделении оказалось чисто и светло, свежий ремонт, относительно новые кровати, но все равно чуть слышно пахло щами, тоской и безысходностью, так что Зиганшину сразу захотелось на улицу.

Макс провел его в ординаторскую и попросил санитаря привести Климчука.

Зиганшин натянул белый халат, предложенный товари-

щем для того, чтобы не волновать пациента, посмотрел в зеркало и почувствовал себя самозванцем.

В визите сюда не было большого смысла. Климчук признан невменяемым, показания его никакой юридической силы не имеют, и фактологическая их ценность тоже весьма сомнительна. На кой черт он сюда приперся? Просто на психов поглазеть? Понять, что есть на свете люди, с которыми судьба обошлась гораздо жестче, чем с ним?

Тут санитар привел Климчука, прервав горькие размышления Зиганшина.

Предполагаемый убийца Карины Александровны Пестряковой оказался очень даже привлекательным мужиком. Высокий, осанистый, с прекрасными густыми волосами, красота которых была очевидна даже в короткой стрижке за госсчет, Климчук выглядел весьма завидным кавалером.

Только при внимательном взгляде становилась заметна расслабленная линия рта и тусклое, пустое выражение глаз, которые быстро перебегали с предмета на предмет. И ни разу, заметил Зиганшин, Климчук не встретился с ним взглядом. В руках, тоже красивых, благородной лепки, он комкал краешек своей толстовки. Видимо, тут разрешалось ходить в своей одежде.

Зиганшин попытался представить, как сложилась бы жизнь этого человека, если бы не болезнь. Если бы он не пошел с классом в злополучный поход, или ребята сделали бы привал на другой полянке. Или родители заставили бы его

обуться в резиновые сапоги. Или клещ прицепился бы к пробежавшему мимо зайцу.

Но случилось то, что случилось – одна маленькая неосторожность разрушила жизнь целой семьи.

Пока Зиганшин сетовал, что нельзя повернуть время вспять, Макс заговорил с Климчуком в очень мягком, каком-то обволакивающим тоне, которого Зиганишин никогда раньше у друга не слышал.

– Валя, да, – сказал Климчук отрывисто, – Валя – Валентина.

– Вы писали эти записки, Саша?

– Да, писал.

– Зачем?

– Она жива. Пионерка жива.

– Хорошо, Саша. А вы понимаете, почему вы здесь находитесь?

Климчук занервничал еще сильнее. Он резко растянул подол своей толстовки, потом отпустил его, сжал руки в кулаки, нахмурился, вскочил со стула, сел, снова вскочил.

– Сядьте, пожалуйста, Саша.

Климчук повиновался.

– Я тут, потому что убил человека, – пробормотал он, – но это неправда. Не было такого. Все говорят, что я. Они не знают. А я знаю.

– Вы что-нибудь помните о том вечере, когда была убита Пестрякова? – не выдержал Зиганшин и осекся, поймав уко-

ризенный взгляд Макса. Действительно, нашел кого спрашивать! Бедняга едва помнит, кто он такой и что давали на завтрак...

Вдруг Климчук выпрямился и посмотрел Зиганшину прямо в лицо.

– Я не душегуб, – сказал он, – не душегуб.

Зиганшин выдержал его взгляд с большим трудом.

– Я вам верю, Саша, – произнес он неожиданно для самого себя.

* * *

Георгий смотрел на большую белую акулу, медленно проплывающую над его головой. Свет имитировал блики солнца на волнах, как они смотрелись бы из-под воды, рыбы бодро двигались по своим рыбьим делам, а он скучал.

Жаль было белую акулу, что она вместо бескрайней воды и затонувших кораблей видит респектабельных граждан, и немножко стыдно за человечество, которое заключает опасное существо в клетку и трусливо глазееет, пытаясь разбудить в себе древние природные инстинкты.

Аня внимательно читала таблички возле аквариумов, а Георгий смотрел на нее. Джинсы и клетчатая рубашка шли ей не меньше вечернего платья, и распущенные волосы делали ее совсем юной и такой хорошенькой, и Георгий расстроился, что выглядит облезлым кавалером, но поймал свое от-

ражение в аквариуме с какими-то усатыми страшными рыбами и успокоился – да ладно, вполне импозантный вид.

– В следующий раз пойдем в зоологический музей, – сказал он, заметив, как блестят глаза у Ани.

– С удовольствием. Последний раз я там была, еще когда училась в школе.

– Думаю, что с тех пор мало изменилось. Скелет кита точно должен быть на месте.

– Наверное... А вы, Георгий, разве не водили туда сына?

– Водил, конечно. И в зоомузей, и в Эрмитаж, и Кунсткамеру, и в Музей этнографии, и в тысячу других мест. Только у Алешки такое богатое воображение, что ему не нужен наглядный материал, он все себе придумывает.

Они вышли из океанариума, и Георгий повел свою даму ужинать. Выбор пал на небольшой ресторанчик с клетчатыми скатертями и пальмой возле окна.

Георгию нравилось, как Аня выбирает еду – вдумчиво, быстро и спокойно.

Вспомнилось, как пару лет назад их с Кариной пригласил в ресторан старый приятель. Они с юности дружили семьями, но товарищ развелся, очень непродолжительное время ходил холостяком, скоро встретил новую женщину и позвал Пестряковых на ужин по случаю помолвки. Георгию казалось, что это будет предательством по отношению к первой жене, но Карина его уговорила. Что ж, девушка оказалась да, моложе, но на этом список ее преимуществ обрывался. Кра-

сота ее явно боялась мыла и воды, а манеры оказались такими ужасными, что Георгий весь вечер чувствовал себя так, будто кто-то у него над ухом водит вилкой по стеклу.

Девушка изучала меню очень долго, еще минут двадцать после того, как все выбрали, с ходу оповестила сотрапезников, что она веганка, и пустилась в подробнейшие объяснения, почему это очень хорошо и полезно. Карина зачем-то связалась с ней в дискуссию, но девушка не спасовала перед аргументами дипломированного врача, и спор о правильном питании продолжался весь вечер. Заказав самое дешевое блюдо с ремаркой, что нечего в кабаках кучу денег оставлять, девушка поставила Пестряковых в неловкое положение – их пригласили, значит, располовинить счет будет обидой хозяину вечера, а заказывать дорогую еду, после того как девушка так явно продемонстрировала бережливость и аскетизм, тоже неудобно.

В итоге вечер оказался испорченным, а Карина прямо сказала приятелю, что в следующий раз рада будет видеть только его одного.

И все-таки товарищ женился на этой лахудре, несмотря на явное неодобрение друзей, и постепенно исчез из их круга.

Как приятно знать, что с Аней такого не произойдет! Если он женится, она никогда его не опозорит и не поставит в неудобное положение!

Георгий улыбнулся, глядя, с каким изяществом Аня держит нож и вилку. За одно это он готов был ее обожать.

Аня улыбнулась ему в ответ.

Когда тарелки опустели, Георгий подозвал официанта и заказал кофе.

Все могло бы произойти уже сегодня, будь он чуть решительнее и настойчивее. Не цедить кофеек за столиком с клетчатой скатертью, за которым перебивали тысячи влюбленных пар, а сразу ехать к Ане.

Но не сегодня. Нет, не сегодня. Если у них все получится, то зачем красть у себя самих первую брачную ночь? Зачем превращать красивую историю в хронику унылого блуда?

Нет, если получится, то пусть получится как надо, а если нет... Что ж, тогда тем более не нужно.

* * *

В изнеможении откинувшись на спинку дивана, Зиганшин украдкой перестегнул ремень брюк на две дырочки. Есть столько блинов было, разумеется, нельзя, а не есть – невозможно.

Коля взял с блюда ажурный блин с хрустящими краями, встряхнул его, как салфетку, уложил на тарелку, сверху бросил несколько серебристых кусочков селедки, посыпал крошкой крутого яйца и зеленым луком, подлил сметанки, и ловко свернул все это дело в плотную аккуратную трубочку.

– Пойду, пупсик, телик посмотрю. – Он встал из-за стола с тарелкой в руках. – А вы тут работайте.

Зиганшин так наелся, что тоже хотел с Колей. Думать о чем-то совершенно не было сил, и, похоже, это ясно читалось на его осовевшей физиономии, потому что Анжелика быстро сварила ему крепчайший кофе, одновременно с непостижимой скоростью убрав со стола и вымыв посуду.

– Ты как миссис Уизли, – пробормотал Зиганшин.

– Это комплимент?

– Естественно.

– Ну ладно тогда.

Он неторопливо пил кофе, надеясь, что вскоре одурь пройдет и он снова станет бодрым и сильным.

С утра Зиганшин ездил смотреть очередной «вариант» и зря потратил время. Квартира оказалась тесная, с узким коридором, все ее стены в подозрительных пятнах, а надписи в лифте недвусмысленно намекали, что публика живет здесь та еще. Как раз по его специальности. Зиганшин расстроился, высказал претензии агенту, отчего расстроился еще больше, и поехал к Ямпольской. Фрида просила его передать ей какой-то мусор вроде пустых банок, без которого жизнь Анжелике была не в радость.

Заехал на минутку, а угодил на воскресный обед с водочкой и блинами, и так позорно наелся, что страшно думать об обратной дороге.

– Я сейчас для Фриды рецепт блинов запишу, – раздалось над ухом.

– Ни в коем случае! – встрепенулся Зиганшин.

– Запишу, родной. Чтобы ты был добрый, сытый и тупой и не лез во всякие авантюры.

Зиганшин вздохнул. После визита в больницу он был сам не свой. Вроде бы все сделал правильно, но, будто камешек в ботинке, не давало покоя то ли чувство вины, то ли жалость, то ли тревога и стыд от неисполненного обещания, хоть он несчастному Климчуку ничего плохого не сделал и ничего не обещал. Напротив, Макс через несколько дней позвонил и сказал, что его визит «оказал терапевтическое воздействие», Саша успокоился, приободрился, появились позитивные установки, он охотнее идет на контакт с врачами – словом, Зиганшин молодец, и этого вполне достаточно. Климчук все равно нуждается в стационарном лечении, и никто его не выпишет, даже если Зиганшин вдруг докажет, что бедняга не только никого не убивал, но даже и не приставал к женщинам.

Только есть еще старушка мать, которой Зиганшин никогда не видел, но мог себе представить, что она чувствует.

Наверное, это жалость мешает ему мыслить здраво и понять, насколько глупы и несущественны аргументы в пользу невиновности Климчука – всего лишь чутье опытного профессионала да дикое предположение, что в одном квартале в одно и то же время орудовали два совершенно разных ма-
ньяка.

– Слушай, я все теперь знаю про Пестрякова, – сказала Анжелика, – идеальный прямо семьянин и работник мечты.

Зиганшин поморщился. Вот же человек, года не прошло, как перевелся из дикой глухомани, и уже все про всех знает.

– Если грохнут кого-то из нашей системы, буду знать, куда обращаться за оперативной информацией, – буркнул он.

– Спасибо. Короче, Пестряков – реальный идеал.

– Идеал на то и идеал, что реальным быть не может.

– Ой, да прекрати! Чего ты хочешь, мужик взяток не берет, людей не подставляет и не подсиживает, всю жизнь с одной супругой... Буквально не к чему прицепиться. Я даже удивилась – как это он такой весь в белом пальто, а потом мне сказали, что там папа был генерал.

– Ну все равно молодец.

– Так я не против. В общем, не так уж это и важно, взяточник он или, наоборот, такой честный, что на его нимб без очков смотреть нельзя, как на сварку. Даже если он людям все коррупционные схемы порвал, на кой убивать Карину Александровну? Все же оборотни в погонах не полные идиоты, а люди по меньшей мере рациональные. В заложники взять еще туда-сюда...

– А у нас теперь все преступления совершаются на холодную голову? Новые веяния какие-то? Мне опыт подсказывает, что все, наоборот, от глупости и избытка чувств. Человека выкинули из органов, вот он и решил отомстить. На самого Пестрякова нападать страшно, а придушить слабую женщину – самое оно.

– Мы вдвоем с тобой эту версию все равно не поднимем.

Это надо идти к Георгию Владимировичу и трясти как следует, кого он настолько сильно обидел.

Зиганшин вздохнул:

– Тут как в травматологии: сила удара далеко не всегда соответствует тяжести повреждений. Один свалится с девятого этажа и только ногу сломает, а другой на ровном месте споткнется и помрет. Лотерея в чистом виде. Кому-то по инициативе Пестрякова срок впаяли, а он только плечами пожал: «заслужил, куда деваться», а другого один раз лишили премии, так он на всю жизнь злобу затаил.

– Это да, родной, – согласно закивала Ямпольская. – Человеческая природа весьма разнообразна.

Она сварила еще кофе, и, поставив перед Зиганшиным хрупкую дымящуюся чашку, проверила сообщения в телефоне. Дети, отпущенные одни на каток, ежечасно должны были писать, что все в порядке, и для гарантии присылать фоточки.

От души пообщавшись с самыми матерыми полицейскими сплетницами и, надо полагать, органично вписавшись в их сообщество, Анжелика выяснила следующее: никакой выгоды от смерти жены Пестряков не получал. Семья жила в квартире, доставшейся Георгию Владимировичу по завещанию от деда, а Карина Александровна собственности не имела.

Люди больше интересуются промахами и недостатками ближних, чем их достижениями и достоинствами, поэтому

знают обычно довольно много такого, что человек предпочел бы скрыть, но при обсуждении Георгия Владимировича не всплыло никакой конкретики. Да, интересный мужчина, вежливый и галантный. Суровое обаяние самца. Обычно такие мужики нарасхват, но Пестряков держался стойко и ни на какие пряники не клевал.

Кажется, он был счастлив в браке и по-настоящему любил жену, про которую дамы тоже отзывались на удивление доброжелательно. Карина принадлежала к тем женщинам, про которых сложена известная притча: «тогда он был бы президентом». Папа-генерал – дело, конечно, хорошее, но молодая жена тоже внесла свой вклад в успешное продвижение мужа по службе. Умея ладить с людьми, она легко подружилась с супругами вышестоящих начальников. Карина была врачом-терапевтом и всегда приходила на помощь в сложных случаях – устраивала консультации ведущих специалистов, подыскивала опытных медсестер, если требовалось «прокапать» человека на дому и без лишнего шума, в общем, оказалась нужным человеком. При этом ей удалось не свалиться в лакейство, не разменять свои добрые услуги только за возможность быть принятой в компании, как часто бывает с полезными людьми. К их услужливости быстро привыкают и начинают считать чем-то само собой разумеющимся, чертой характера, не пользоваться которой просто грех.

Карина избежала этой ловушки. Она умела общаться с вышестоящими на равных и оказалась не только полезной, но

и интересной. Молодая женщина много читала, была в курсе модных премьер и активно вовлекала приятельниц в свою орбиту.

Когда карьера мужа пошла в гору, Карина не зазналась и общалась с женой рядового опера так же вежливо, как с супругой генерала, и простая паспортистка, если появлялись проблемы со здоровьем, смело могла рассчитывать на ее помощь.

Редко бывает, чтобы два хороших порядочных человека нашли друг друга, поженились и жили всю жизнь в счастливом браке, но Пестряковым Бог послал такую благодать на целых восемнадцать лет.

Зиганшин вдруг подумал: «А что, если бы Фрида была такой же женой, как Карина Александровна?»

Она тоже врач, без пяти минут кандидат наук, ум и интеллигентность просто зашкаливают, вполне могла бы стать светской львицей среди полицейского бомонда. Интересно, приятно ему было бы от этого или нет? Наверное, не очень, но, с другой стороны, Георгий Владимирович к великосветскому образу жизни привык с пеленок, раз папа у него генерал. Родители тусовались, и от жены он ждал именно такого поведения.

Чужое счастье бесит, и находятся люди, которым хочется немножко развенчать, найти подводные камни и вытащить на свет Божий грязные трусы.

Пестряковы не остались без внимания завистников, но все

усилия по разоблачению семейной идиллии оказались безуспешны.

Зиганшин вздохнул. Потемкинские деревни в человеческих отношениях работают редко. Когда люди живут плохо, это становится ясно окружающим, как бы они ни пыжились доказать, что живут хорошо. Всегда что-то вываливается на свет Божий из-за картонного парадного фасада. А тут раз за столько лет никто ничего не заметил, значит, действительно счастливая семья.

Допив остывший кофе, он попросил Анжелику сварить еще и стал вспоминать. Зиганшин не любил официоза и старательно отлынивал от торжественных собраний и всякого рода корпоративов. То ли ему не нравились пафосные речи, то ли концертная программа, а может, неприятно было чувствовать себя пешкой, ничтожным винтиком по сравнению с большими полицейскими чинами, многие из которых были его ровесниками. И все же иногда приходилось обуздывать свое эстетическое чувство или большое самолюбие (Зиганшин решил не углубляться в самоанализ) и посещать важные мероприятия.

Он встречал там Пестрякова с супругой – стройной ухоженной женщиной, одетой с безупречным вкусом и тщательностью. Зиганшин был не та фигура, чтобы его представили, но когда поздоровался, Карина Александровна вежливо ответила ему, и он пошел своей дорогой. Если бы он тогда знал, что женщина скоро станет жертвой преступления, присмот-

релся бы внимательнее, но видеть будущее никому не дано.

Осталось смутное впечатление, такое, что, попроси его кто охарактеризовать Пестрякову одним словом, он выбрал бы эпитет «холеная», вот и все. Зиганшин даже не мог сказать, красива ли она была.

Женщины бывают придирчивы в отношении привлекательных женатых коллег, выискивая в тех признаки дурного отношения и несчастья. Какой-нибудь дырявый носок, выдернутый торопящимся мужиком из ящика для белья и надетый не глядя, может послужить важным симптомом для внимательных дам. «Она о нем не заботится!» Брюки мужчины обычно гладят себе сами, так что идеальные стрелки ни о чем не говорят, но все остальное становится предметом тщательного изучения, и в результате неистовой дедукции альфа-самец предстает глубоко несчастным, заброшенным и забитым существом, на которое жалеют его же собственных денег.

О Георгии Владимировиче подобных слухов почему-то не ходило.

Зиганшин посмотрел на довольную Анжелику и приподнял бровь:

– А ты не спалилась там, случайно? Не дала ненароком понять, что ты агент Пестрякова?

– Обижаешь!

– Что-то больно розовая картинка получается. Засахаренное какое-то все.

Анжелика развела руками:

– Ну вот получается, родной.

– Ты точно с экспертами говорила? У них же там дружный женский коллектив... Может, ты дверью ошиблась?

– Знаешь что! Я там полдня просидела у них, от чая чуть не лопнула, и все про всех узнала, в том числе и про тебя, родимый. Я ж не дура, понимаю, что вынюхивать про Пестрякова – очень сильно подставляться. Я аккуратненько зашла, мол, я человек новый, никого не знаю, вы уж сделайте милость, подскажите, кто чего стоит... Лавина яда пролилась мне в уши, но про Пестрякова – ничего.

– Ну если уж у этих кобр не нашлось, чем тебя порадовать, то ничего и не было.

Анжелика по-бабьи подперла щеку кулачком, пристально посмотрела на Мстислава и протяжно вздохнула.

– Не было, не было, родимый. Жили душа в душу и никогда не ссорились, прямо именины сердца. Только я вот что скажу тебе, дорогой: когда муж с женой счастливы, это обычно значит, что один из них жрет говно.

– Да иди ты!

– Точно тебе говорю! Ни разу я такого не встречала, чтобы идиллия действительно была идиллией. Или там у мужа двадцать детей на стороне, или убивают в конце концов друг друга, или в крайнем случае разводятся. Сахар, знаешь ли, плохой цемент для брака, а вот ржавый лом в заднице – совсем другое дело.

- Это тебе просто хочется думать, чтобы так было.
- Нас с Колей никто бы не назвал счастливой парой...
- Даже я бы не назвал, – буркнул Зиганшин.

– Не хами. Я к тому, что мы полжизни ругались как сумасшедшие. А жили то по коммуналкам, то в общежитиях, одним словом, на виду, так что если бы кого-то из нас нашли убитым, не дай бог, тьфу-тьфу, то второго немедленно бы сунули в КПЗ. Другие версии даже придумывать бы не стали. Главное, он мне достался после казармы, – сказала Анжелика с неожиданной страстью, – а как будто только от мамкиной сиськи оторвали. Дай то, дай се... Чаек, видите ли, надо заваривать исключительно крутым кипятком, и хоть ты сдохни! Две минуты назад чайник кипел – нет, уже не то! Или картошечку ему запеки в духовочке, иначе его величество кушать не будет. Или суп кислый, поэтому мы вместо этого лучше полкило колбасы сожрем. Я говорю, Коля, какого хрена? Почему ты решил, что можно тут всем мозги на уши натягивать ради удовлетворения твоих прихотей? Вам тут не дворец, а вы – не король! А в ответ полилась гнилая патетика, типа жена должна заботиться о муже. Ну ок! Только если ты раз в жизни попьешь чаек на пять градусов холоднее, земля не перевернется, даже ты сам разницы не почувствуешь, так что иногда можно в чем-то себя тоже ограничить, а не только жену дрессировать. Долго, очень долго он не хотел этого понять. А уж как сложно объяснять своему мужику, что обозначает слово «нет»... Адский труд! Только

скажешь: «Коля, нет! Нет, Коля!» – и вроде бы согласен, а через пять минут опять за рыбу деньги. Нет, не купим новый телевизор, денег нет. Хорошо, пупсик, нет так нет. Пойдет, покурит, и с новыми силами: ну Анжелочка, ну давай купим, дочкам надо мультики смотреть, а ты мать-ехидна, сэкономишь на детях. Типа я такая дура, не пойму его тонких манипуляций. Ну и давай скандалить! И карьеру мужа я, кстати, тоже не продвигала, перед женами начальников не заискивала. Когда Колька был лейтенантом, дружила с женами лейтенантов, а в высшие сферы никуда не лезла. И чтобы он ходил у меня весь вылизанный, как пасхальное яичко, тоже не было никогда такого. Зато мы живем двадцать лет, и разводиться не собираемся. А ведь могла бы я послушать умных людей!

Зиганшин неопределенно пожал плечами.

– Ты, наверное, не помнишь, – продолжала Анжелика, – а во времена моей юности была популярна такая доктрина, которая досталась по наследству от советских женщин.

– Какая еще доктрина?

– Да что мужики – это некие недоумки, такие обделенные природой существа, толку от которых немного, но иметь в доме свой собственный экземпляр тем не менее очень престижно. Женщины хотели не быть замужем, а иметь мужа, согласись, немножко разные оттенки смысла. Заполучить мужчину, а потом удержать это неполноценное существо при себе можно было только путем создания ему максимально-

го комфорта. Но мало его кормить и ублажать, надо еще и непрерывно восхищаться, чтобы мужик чувствовал себя королем, иначе он немедленно сваливал к другой бабе. Ну а что? Хочешь мужика – терпи! Товар дефицитный. Как автолюбители ради того, чтобы три раза в году прокатиться на дачу, весь год напролет ремонтировали свою дурацкую «копейку», так и советские женщины тащили на себе весь дом, лишь бы только обручальное кольцо сверкало у них на пальце.

– Ты прямо феминистка!

– Нет, Славик, я обычный человек, и муж у меня тоже не какая-то там орхидея, а тоже обычный человек, а между людьми чего только не бывает.

– Да ну тебя! – отмахнулся Зиганшин, все это время пытавшийся понять, укладывается ли их с Фридой жизнь в такую схему или нет.

– Что ну? Ты себя возьми, Славик. Вот представь, Фрида пошла бы по этому скользкому пути угождения и восхищения? Ты бы обрадовался?

– Наверное.

– Да?

Зиганшин улыбнулся:

– Да права ты, не суетись. Только если Пестряковы умели держать себя в обществе, это еще ничего не значит. Может, дома они ругались, как все мы, простые смертные.

– Так ты что хочешь-то от меня?

– Сам не знаю, Анжел, – вздохнул Зиганшин. – Просто неловко как-то перед этим дурачком. Вроде я его обнадежил, а ничего не делаю.

Ямпольская засмеялась:

– Да он о тебе уж забыл давно, на казенных-то харчах и таблетках. Отечественная психиатрия работает с гарантией, так что если он маму родную вспомнит, это уже будет очень хорошо.

– Но я-то не на таблетках и прекрасно помню, как сказал, что верю ему.

– Ну и молодец, подбодрил больного человека.

– А вдруг это реально не он?

Анжелика пожала плечами:

– Слав, вот тебе заняться, что ли, нечем? Работы на новой должности мало тебе?

– За это не переживай, но скажи честно, где ты видела маньяка, который убил и остановился?

– Нигде. Я, родной, вообще их не видела ни разу. Не тот контингент у меня на прежнем месте работы был. Но одно тебе скажу точно – если Пестряков узнает, что мы у него за спиной разнюхиваем, то он с нами такое сделает, что самому маньячному маньяку и во сне-то не приснится. Поэтому давай лучше приложим наши острые умы к какому-нибудь другому делу.

– Открывай, сова, пришел медведь, – улыбнулся Георгий, и Нина, как всегда, обняла его порывисто и крепко.

Так постояли минутку: после промозглой улицы приятно было чувствовать уютное домашнее тепло Нининой щеки.

Сняв пальто и переобувшись в свои тапки, клетчатые, как у французского дедушки, Георгий вошел в комнату, сразу повалился на диван и забросил ноги на высокий валик.

Закрыв глаза, он слышал звук набираемой в ванну воды и с удовольствием чувствовал, как тяжесть в ногах потихоньку отступает. Ему было хорошо и не хотелось думать, как это Нинка всегда угадывает, чего ему хочется. Он ни слова не сказал про ванну, а она уже захлопотала, и так всегда. Наверное, это потому, что она медсестра, много общается с пациентами и научилась читать невербальные сигналы, что бы там это понятие ни значило.

Кажется, он задремал на несколько минут, потому что, открыв глаза, почувствовал себя свежим и бодрым.

Георгий от души потянулся, зевнул, но вставать не стал. Для тренировки наблюдательности оглядывал комнату, пытаясь сообразить, присовокупила Нинка что-нибудь новенькое к обстановке или нет.

Кажется, все по-старому, комната все еще кажется слишком просторной и пустой. Стены оклеены старомодными

обоями в цветочную полоску, но подходящая к ним штора еще висит в магазине ИКЕА, дожидаясь, пока у хозяйки появятся на нее деньги.

Нина самозабвенно и терпеливо вила свое гнездышко в рамках скромного бюджета медсестры.

Георгий предполагал, что девушку шатнет в сторону «богачества», и придется заниматься любовью при канделябрах, леопардах и прочей красотище, но у Нины неожиданно оказался очень неплохой вкус.

Кухню и ванную она обставила хорошо, сдержанно и уютно, теперь наступила очередь комнаты.

Кроме дивана обстановка представлена только хрупкой несерьезной этажеркой, и Георгий никак не мог вспомнить, была ли она в прошлый раз. Если нет, то, интересно, кто ее собирал? Наверное, сама Нинка, она женщина мощная. А если нет?..

Настроение почему-то испортилось.

– Готово, – крикнула Нина из коридора, и Георгий встал с дивана, снова потянувшись со вкусом и хрустом в суставах.

Когда Нина выбирала квартиру, он попросил, чтобы она остановилась на варианте с самым большим санузлом, а потом разорился на огромную угловую ванну. Глупо, конечно, но так приятно...

Сбросив одежду в комнате, он голышом добежал до ванной и с размаху погрузился в облако пены, переливающееся разноцветными искорками в свете ярких ламп. Георгий знал,

что вода окажется именно такой, как ему нравится, поэтому пробовать не стал.

Устроившись поудобнее, он зачерпнул обеими ладонями облако пены и водрузил его себе на голову вроде короны, сам удивляясь, откуда вылезло это рудиментарное детское дурачество. Усмехнулся и сильно подул, проделывая в белой толще туннель, на дне которого виднелась темная вода и маленький кусочек его тела.

Вошла Нина, села на бортик ванны, и Георгий поднырнул и подул уже снизу вверх, чтобы хлопья полетели на нее.

– В следующий раз я тебе куплю мыльные пузыри, – сказала она строго, – да, это нам подойдет.

Георгий взял ее за руку:

– Присоединишься?

– Ты ж не хочешь.

Он молчал.

– Пожарю тебе бифштекс. Двести дней зернового откорма.

– Раз так, то я сам пожарю.

– А ты умеешь?

– Нет.

– Ладно, жарь.

Нина улыбнулась, смахнула пенную корону с его макушки, поцеловала в лоб и вышла. Георгий подлил себе немного горячей воды и закрыл глаза.

Он познакомился с Ниной шесть лет назад, и произошло это так пошло-хрестоматийно, что неудобно лишний раз вспоминать. Навещая в госпитале своего наставника, Георгий заметил хорошенькую медсестру, отметил, какая она вся ладненькая и аккуратненькая, и тут же о ней забыл. Наставник его болел тяжело и почему-то был твердо убежден, что умрет, а разубедить его оказалось некому – жена умерла, дети разъехались. Пришлось Георгию регулярно подбадривать старика и носить ему вкусненькое. Естественно, участием и любовью болезнь вылечить нельзя, но зачехнуть от одиночества тоже реальное дело. Даже врач говорил, что в окружении близких люди лучше поправляются, вот Георгию и пришлось переступить свой страх перед больницами и навещать наставника два раза в неделю.

Он заметил, что у стариков повышается настроение, когда в палату заходит эта сестричка, и однажды поймал себя на том, что, собираясь к наставнику, гадает, работает она сегодня или нет. Но это, разумеется, была минутная слабость, наваждение, ничего больше.

Потом наставник сказал ему, какая милая девушка эта Нина. Все остальные тоже хорошие, но Ниночка – это что-то особенное.

Георгий не хотел, а пригляделся. А потом уж не мог не глазеть.

Нина не была исключительной красавицей. Ну да, стройные ножки, но Георгий видал и постройнее. А в целом личи-

ко как личико, фигурка как фигурка. Ничего такого, чтобы сходить с ума солидному женатому человеку.

Разве что Нина обладала редким женским умением всегда выглядеть словно куколка, которую только достали из коробочки, и видно было, что она любит нравиться себе.

Как-то у ее напарницы никак не получалось поставить капельницу, и Нина пришла на помощь весело, с улыбкой. Пожалела пациента, подбодрила незадачливую коллегу, и в одну секунду попала в вену, причем со стороны казалось, будто это действительно очень просто.

Интерес Георгия к девушке окреп, ибо он очень уважал профессионализм.

Наставник, несмотря на свой пессимистический настрой, стал поправляться, сначала робко, нерешительно, а потом довольно быстро. Вскоре его выписали, Георгий препоручил его заботам соседки и перешел на телефонное общение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.